

ТВОРЧЕСКАЯ МЫСЛЬ И СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ПЕСТРОТА

НЕСКОЛЬКО лет назад сказка Ю. Олеши «Три толстяка» впервые прозвучала в одной из детских передач Всесоюзного радио. Наши ребята сразу же полюбили веселую, увлекательную радиопостановку. Многие из них запомнились и музыка этой передачи, простая и наивная, но по-своему яркая и оригинальная. Написал ее тогда еще совсем молодой композитор В. Рубин.

Позднее он вместе с поэтом С. Ногомазовым создал оперу на тот же сюжет. Это был едва ли не первый опыт его в кружкой музыкальной форме.

В музыку «Трех толстяков» иной раз вкрапывается банальность (такова первая вальсовая тема Суок «Мы бродячие артисты»). Кое-где вокальные партии становятся малоинтересными в мелодическом отношении. Есть в «Трех толстяках» длинноты, и наоборот, сильный финал кажется недостаточным по размерностям.

Но слушателя прощают эти недостатки, потому что преобладает в опере все же музыка светлая, чистая, привлекательно задуманная и талантливо остроумная. Музыка, как и в прозаическом Ю. Олеши, смело сочетающая гротеск, добродушный юмор и мягкую яркость, живую и игрушечность детской сказки и «взрослую» серьезность мысли. Лишь иногда, как это случилось с кодульно-фанфарной темой Проспера, музыкальные характеристики В. Рубина становятся отяжеленными, риторичными. В общем герои оперы получили воплощение яркое, наглядное. Присваивая к сказанному развитое чувство сценичности, хорошее ощущение возможности положений, естественность музыкального развития, четкость формы, изобретательную колоритность оркестровки и вы придете к правильному выводу, что опера «Три толстяка» интересна не только для детского, но и для взрослого слушателя.

ЗАКОНЧЕННАЯ в 1957 году опера В. Рубина тогда же с успехом была поставлена в Саратовском оперном театре. Недавно она увидела свет лампы в Ленинградском театре оперы и балета имени С. М. Кирова. Ставила ее вчерашний выпускник Государственного института театрального искусства режиссер Э. Пасынков, дебютировавший этим спектаклем, и дирижер Э. Грикуров.

Многоплановая, насыщенная действием, богата контрастными, разнохарактерными образами, опера В. Рубина дает театру благодарный материал для создания яркого, колоритного спектакля. Вместе с тем она предъявляет сложные требования ко всему постановочному и исполнительскому коллективу. Жанровая специфичность этого произведения требует неразрывного единства сценической условности и жизненного правдоподобия образов, активного, творческого участия в сценическом действии не только солистов и всего хора, но и занятой в спектакле многочисленной группы детей.

Театру имени Кирова удалось решить в этом отношении многое. Как из веселой карусели стремительно кружащегося хоровода, возникают в пестрой суете представ-

«Три толстяка» на сцене Ленинградского государственного театра оперы и балета имени С. М. Кирова

ления образы спектакля: отстраняющие артисты и всеядные горожане, радостная детвора и охваченная гневным возмущением, готовые восстать рабыни, цветочница,

гадалка, девушка и ее кавалер, повара и поварята, страшный отравитель и изысканно-мелкий учитель танцев Раздвигач. Одни из них мимолетны, другие надолго привлекают к себе внимание.

К сожалению, живая творческая фантазия Э. Пасынкова, его находчивая изобретательность, будучи не подкрепленной строгостью отбора выразительных средств и приемов, привели к некоторой стилистической пестроте постановки.

Попробуем сравнить нескольких героев спектакля. О. Ярошенко талантливо играет доктора Гаспара. В создаваемом им образе нескладного, рассеянного ученого и отягченного добряка много мягкости и сердечного тепла. Лукавство и детская непосредственность девочки-циркачки Суок в сцене с наследником Тутти, ее смелость, преодолевающая минутную робость, в сцене освобождения Проспера показаны артисткой М. Малий просто и естественно. Трогательно беспомощна немоча гротесковая, но вместе с тем и лиричная фигура Продавца воздушных шаров, стойко переносящего все свои злоключения (В. Пучков).

Три толстяка (А. Ильин, И. Мелентьев, В. Ленский) характеризуются с сатирическим преувеличением, гротеском. Но при вальдном решении всех этих образов, как и в сценических характеристиках гимнаста Тибула (В. Журавленко), оружейника Проспера (В. Толориков), наследника Тутти (Н. Аксютин), есть в них и нечто общее. Это сказочность, фантастичность, сочетающаяся с реальностью и словно пропущенная через призму непосредственности детского восприятия.

Но вот начальник дворцовой стражи капитан Бонавентура (А. Леушкин) обрисован средними реальным шаржа, образ Готфмейстера (Т. Куанцова) несет налет двенадцатой «вамп», сценическая же характеристика гвардейца скатывается к пародированию опереточного канкана. В результате в некоторых сценах скачки остаются только фантастические костюмы, а детскость уступает место фарсу.

Декорации и костюмы В. Доррера живописны, красивы и выразительны. Но иногда В. Доррер повторяет ошибку Э. Пасынкова, нарушает чистоту жанра.

Опытная рука дирижера Э. Грикурова заметна в хорошем звучании оркестра, в слаженном пении хора. И очень досадно, что спектакль идет с вокальными лягушками. В. Пучкову еще можно простить некрасивый, «стертый» тембр и утраченный верхний регистр: партия Продавца воздушных шаров второстепенная и комическая. Но с партией Суок дело обстоит хуже. Здесь нужен голос авокад и чистый, как колокольчик, подвижный и легкий, как флейта. Увы, такого голоса у М. Малий нет. Почти не слышен А. Леушкин (Бонавентура), и не потому, что его заглушает оркестр или исполняемая им партия написана в невыгодной для певца tessitura, а оттого, что вокальная карьера певца, должно быть, осталась далеко позади. Не порадовал слушателей и исполнитель партии лядюшки Бризака С. Матвеев. В сущности, только В. Журавленко (Тибул), В. Толориков (Просперо), О. Ярошенко (Гаспар), Н. Аксютин (Тутти) и Т. Куанцова (Готфмейстерина) пели удовлетворительно. Из этих вокалистов красотой и свежестью тембра голоса выгодно выделяется Т. Куанцова, а увлеченностью и музыкальностью пения — О. Ярошенко.

СЧЕТОМ, и порой серьезных, в спектакле немало. И все же он вызывает чувство симпатии. В нем ощущаешь смелую творческую мысль, стремление уйти в сказку от нибихших обкомину штампов, желание найти новое, свежее, привлекательное. Не беда, что в постановке «Трех толстяков» много спорного. Слушатель — и взрослый, и в особенности ленинградская детвора, получившие интересный и увлекательный оперный вариант известной сказки Ю. Олеши, — будет благодарен за это живое и веселое представление.

К. САКВА.

«СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА»

19 ноября 1959 г. 3 стр.